

Ли Чу опустил голову. Место, обжѣгшееся кипятком, постепенно теряло чувствительность, вызывая галлюцинации.

Ли Чу пришѣл в себя только тогда, когда до его ушей донѣлся голос.

— Ли Чу, искренне встань на колени и извинись передо мной, тогда я подумаю о том, чтобы пощадить тебя.

Ли Чу проглотил эти слова слово за словом, нахмурил брови и поднял голову. Его взгляд упал на человека с перевязанным ухом и самодовольным выражением на лице.

Это звучало крайне иронично: зачинщиком был вовсе не он, но расплачиваться в конце заставляли его.

Директор Хуасинь, видя, что атмосфера накалилась до предела, а собственное самолюбие требовало скорейшего разрешения конфликта, совершенно не желал никаких непредвиденных осложнений.

Затем, с ноткой угроз, он сурово встретился взглядом с Ли Чу и произнёс принудительным тоном:

— Ты ведь Ли Чу, верно? Просто сделай так, как требует этот соученик, и извинись.

— А если не извинишься, тогда придётся вызвать твоих родителей для разбирательства.

Услышав слово родители, Ли Чу невольно расширил зрачки — он панически боялся этого слова.

Родные отец и мать бросили его в зарослях сорной травы, и лишь старик почти семидесяти лет подарил ему новую жизнь, однако небеса не были милосердны к старику.

Когда Ли Чу исполнилось пять лет, дедушка тяжело заболел. Своевременного лечения не последовало, и старик сгорел от болезни, изнурѣнный мучениями.

Зная, что ему самому осталось недолго, дедушка во всѣм себя урезал, чтобы оставить внуку сумму денег, которой хватило бы на жизнь до шестнадцати лет.

Но не прошло и часа после похорон старика, как дальние родственники присвоили эти деньги себе, а Ли Чу сдали в детский дом.

До десяти лет Ли Чу жил в приюте, где терпел бесконечные издевательства и изоляцию. Его тело постоянно было в ранах, он вечно голодал и мѣрз.

Позже его усыновили, но приемные родители видели в Ли Чу лишь инструмент для заработка. Они жестоко обращались с ним, круглый год запирая в тесной, мрачной комнатухе наедине с крысами и тараканами.

Долгое время истязаний сломило его психику, причиняя невыносимую боль.

В итоге в новогоднюю ночь, в праздник всеобщего воссоединения и радости, Ли Чу изо всех сил попытался сбежать.

Он думал, что побег от них изменит его жизнь к лучшему, но никак не ожидал, что встреченная им впоследствии бездетная пара...

Станет для него началом безвозвратной гибели.

Тело Ли Чу покрылось холодным потом, насквозь пропитавшим подкладку одежды. У него был невыразимый секрет, связанный с приёмным отцом.

Жгучие взгляды окружающих устремились на Ли Чу, отчего ему стало трудно дышать. Однако времени на раздумья у него почти не оставалось — это было первоочередной задачей.

По сравнению с вызовом родителей Ли Чу предпочёл бы опуститься на колени и извиниться. Его высокая гордыня и амбиции давно стёрлись, оставив лишь пустую оболочку.

Судя по всему, Цзян Го с нетерпением ждал продолжения этого спектакля. То, как Ли Чу доставлял ему невиданное прежде возбуждение, заставляло его опустошённое, заледеневшее сердце снова забиться. Человек перед ним оказался совсем не таким, как он ожидал. У неё были утонченные черты лица, присущие женщинам, хрупкое телосложение и маленькое личико, а у самого края глаза притаилась крошечная слезная родинка. Кончики волос скрывали шрам, тянувшийся к виску.

Она была словно затаившийся зверь, готовый в любой момент дать волю своей дикой натуре, — потенциально опасная личность с невероятной жадой убийства.

Цзян Го возлагал на Ли Чу большие надежды. Он был практически уверен, что она не из тех, кто станет склонять голову перед обстоятельствами.

Но действительность оказалась иной. В тот момент, когда Ли Чу опустилась на колени, вся невозмутимость мгновенно покинула Цзян Го. Его бьющееся сердце будто сжали тиски, лишив возможности пошевелиться.

Цзян Го с бесстрастным выражением лица отряхнул испачканные пылью ладони, выпрямился, сунул руки в карманы и небрежной походкой вышел из комнаты наказаний.

Ли Чу медлила. Когда полная луна почти скрылась за облаками, она тяжело ступила на порог своего дома.

Внутри ярко горел свет. На щеках приемной матери сияла улыбка; она была в нежно-розовом платье в цветочек, с изящным макияжем. Ли Чу сразу поняла: вернулся приемный отец.

Приемная мать, не выказывая ни капли недовольства, протирала стол, светясь от счастья. Заметив, что Ли Чу застыла на месте, она ослепительно улыбнулась и помахала ей рукой, жестом приглашая к столу:

— Сяо Чу, иди есть.

Приемная мать Ли Чу была глухонемой — это случилось с ней уже в зрелом возрасте. Она была единственной верой Ли Чу, единственным, что заставляло её держаться в этом мире.

За обеденным столом Ли Чу сидела напротив приемного отца. Его нескрываемый, обжигающий взгляд заставлял её спину покрываться холодом. Чтобы избежать этого взгляда, Ли Чу низко опустила голову, пока в её миске не появился кусок мяса, а в ушах не прозвучал голос отца:

— Сяо Чу, ты опять похудела. Нужно есть больше мяса.

Сказав это, отец принялся один за другим подкладывать ей в миску всё новые и новые куски.

Ладони Ли Чу покрылись холодным потом. Она затаила дыхание, сердце бешено колотилось, тело мелко дрожало. Стараясь не произнести ни звука, она взяла палочками мясо и начала запихивать его в рот.

Ли Чу подавляла подступающую к горлу тошноту, прожевала мясо несколько раз и быстро проглотила. Увидев послушную, покорную девочку, приемный отец позволил себе зловещую ухмылку:

— Сяо Чу, сегодня ночью дверь не запирай.

Мясо, которое Ли Чу только что проглотила, смешалось с желчью и подступило к горлу. Ощущая во рту отвратительный привкус, она быстро прикрыла рот рукой. Её продолжало мутить, пока она не вырвала всё съеденное мясо до последнего кусочка. Только тогда Ли Чу смогла перевести дух.

Она полусидела на полу, на глазах выступили слезы. Воспоминания прошлого вновь и вновь заставляли желудок сжиматься от спазмов.

<http://bllate.org/book/22343/2340951>